

ЕВРАЗИЙСТВО — идеократическое геополитическое и социально-философское учение, морфологический комплекс идей и интеллектуальное движение, конституировавшиеся в 1921 в среде российской эмиграции и сохраняющие идейно-политический потенциал до начала 21 в. Основателями и ведущими идеологами движения Е. выступили Флоровский, Карсавин, Н.Н. Алексеев, Вернадский, Вышеславцев, Н.С.

Трубецкой, Якобсон, В.Н.Ильин и др. Возникает как определенное возрождение идей славянофильства, дополненного научно-философскими концептами конца 19 — начала 20 вв. (См., например, программу Струве в статье «Великая Россия», опубликованной в январе 1908: возрождение России на идеях нации и отечества, частной собственности, духовной крепости и свободы лица, мощи и величия государства.) Отличительной характеристикой Е. выступает также «феноменологически обостренное восприятие времени» (Степун) во всех его психологически окрашенных модусах: горечь поражений в мировой и гражданской войнах, неприютность эмиграции, замороженность возможным будущим.

Программными документами Е. явились сборники «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения.

Утверждение евразийцев» (София, 1920—1921), «На путях» (1922), «Россия и латинство» (1923), а также манифесты «Евразийство (опыт систематического изложения)» (1926), «Евразийство (формулировка 1927 года)» (1927), Декларация Первого съезда Евразийской организации (Прага, 1932). Е. располагало собственной периодической печатью («Евразийская хроника»; а также газета «Евразия», изначально с 1929, правда, дезавуированная как орган движения Алексеевым, В.Н.Ильиным и П.Н.Савицким) и разнообразными просветительскими программами. На первом этапе задачей Е. предполагалось «выключить из русской революционной динамики марксистско-коммунистическую идеологию как заведомо негодную, устарелую и реакционную», а впоследствии «включиться в революционный процесс на основании подлинно новой... обязательно динамической, свежей и молодой идеи». В «позднем» (конец 1930-х) варианте идеология и теория Е., связываемые также с именами П

.Сувчинского, С. Эфрона, П. Арапова и др., нередко трактуются (В.Н.Ильин) как вырождение «русской идеи» в идеал «гегемонии кремлевской мафии над миром». Как организованное и самоосознающее движение, Е. прекратило свое существование во второй половине 1930-х ввиду явного утопизма идей трансформации

сталинского режима в СССР в «евразийском духе». По мнению представителей Е., правомерно определенное ассоциирование «срединной части» Евразии как географического понятия (а именно территории между линией Балтика — Адриатика и Кавказским хребтом, включающей Среднюю Азию, ограниченной Курилами и границей с Китаем на востоке и юго-востоке), с одной стороны, и «местоположения» особой евразийской культуры, ядром которой выступает культура восточнославянских народов — русских, украинцев, белорусов, с другой стороны. (У Н.Н.Алексеева Россия — центральное «Солнце» Евразии.) По мнению представителей Е.,

Россия-Евразия характеризуется не только общностью исторических судеб населяющих ее народов и их родственных культур (идея и концепция «месторазвития» Савицкого), но и несомненным единым экономико-политическим будущим. Во вступительной редакционной статье «Исхода к Востоку» отмечалось: «Культура «романо-германской» Европы отмечена приверженностью к «мудрости систем», стремлением наличное возвести в незыблемую норму... Мы чтим прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видим в будущем.

С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыни, — мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне «история толкается в наши ворота».

Толкается не для того, чтобы породить какое-либо зоологическое наше «самоопределение», — но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия также раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего». Опираясь на социологическо-географические выводы Ключевского, Данилевского, С. Соловьева, теоретики Е. акцентировали не только актуальность противопоставления России-Евразии и Западной Европы, но и подчеркивали потенциальную значимость основополагающих традиционной и модернизированной триад российской ментальности: «православие — самодержавие — народность», «централизация — дисциплина — самопожертвование». Рассматривая экспансию «русской» (восточно-славянской) культуры на всю территорию Евразии как ипостась глобального процесса обретения народами Евразии территориальной целостности, геополитического самосознания и государственности, идеологи движения уделяли особое внимание высокоэффективному культурному и генетическому синтезу «русского» и «туранского» начал евразийской культуры. (В этом контексте очевидны мотивы придания идеологами Е. «огромной историко-геополитической роли» типично евразийской науке — кочевниковедению.) По мнению многих из теоретиков Е., попытки «модернизаций» по западно-европейским сценариям в конечном счете оказывались и всегда будут оказываться разрушительными для жизненного уклада

евразийских народов. Гипотеза Е. о том, что перспективный этнопсихологический евразийский тип формируется преимущественно на основе языковой палитры восточно-славянских народов, с одной стороны, и «азиатского»; культурно-этнического типа, с другой, содействовала легитимизации идеи об особой значимости империи великих ордынских ханов для конституирования традиций евразийской государственности. (Киевская Русь трактовалась идеологами Е. лишь как духовнонравственная «колыбель» Евразийской цивилизации.) По мнению идеологов Е. (манифест 1926), «мы усматриваем форму симфонически-личного бытия евразийско-русского мира в его государственности... С нашей точки зрения, революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею форме — к форме федерации.

Ведь федеративное устройство не только внешне отмечает многочисленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняя ее единство. Оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей, окончательно и решительно порывая с тенденциями безумного русификаторства. Это — сдвиг культурного самосознания, несомненное и важное его расширение и обогащение». В контексте философии истории и теории этногенеза значимую роль в процессах возрождения идей Е. в конце 20 ст. сыграло творчество

Гумилева, работы которого аккумулировали обширный исторический, этнографический материал и подходы «психологии народов» применительно к единому евразийскому пространству. Одновременно, реальные геополитические процессы в «Евразии» конца 20 в. (распад СССР и СФРЮ, крушение системы социалистического лагеря, идеологическая и военно-политическая экспансия Запада) результировались в резком повышении общественного интереса к идеалам Е. Основными характерными чертами идеологии, теории и практики общественного и государственного строительства современного Е. (во многом созвучного Е. «классическому») правомерно полагать следующее: 1) Идеократия как фундамент государства и общества (по В.Н. Ильину, идеократия — «стиль управления страной — именно путем идеологической информации масс или, если угодно, путем идеологического их инструктирования, что должно обязательно сопровождаться их заинтересовыванием и пробуждением в них идеологических симпатий, равно как и идеологической динамики»; в основании такой идеологии лежат «идеи-силы» и «идеи-ценности»). 2) Признание сильного государственного властного начала обязательным источником и двигателем социально-экономических реформ, осуществляемых в интересах большинства населения. 3) Отказ от политической конфронтации «на местах», формирование структур исполнительной власти «сверху вниз». 4) Возложение ответственности за основной массив стратегических решений вкупе с «направленностью и духом» законодательных инициатив на избираемого главу государства; согласно Алексееву, «по духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена... кажется, прототипом нашего объединения было «старчество» (Зосима) у Достоевского». 5) Наделение представительных

органов функциями-правами детальной проработки и канонизирования персонифицированных решений лидера нации и государства; согласно В.Н.Ильину, идеократия «ослабляет и отодвигает на задний план обычную государственную и государственно-парламентарную жизнь нынешних государственно-социально-политических комплексов». 6) Ориентация на гармоничное сочетание государственной и частной собственности, не допускающая подмену практики регулярных волеизъявлений и актов политической воли лидера государства по проблемам общенациональной значимости — осуществлением политических программ в интересах различных финансово-экономических групп; по мнению Алексеева, «...с точки зрения «социальной правды», капитализм никак нельзя защитить.

Вернувшись к капитализму... русский народ примет капиталистическую систему условно, не веря в нее и не считая ее «праведной». Но русский народ есть народ, ищущий правды и не могущий жить без правды...

Где же он будет искать ее при возвращении к капитализму? Опять в социализме... Принести гекатомбу жертв, чтобы ввести систему коммунизма, потом отвергнуть ее, как невозможную и несправедливую, чтобы опять начать верить в социализм... Можно наверняка сказать, что этого в России не будет. Русский народ примет правду коммунизма и отринет его кривду.

Он, по-прежнему, будет бороться с эксплуатацией и рабством во имя человеческой свободы, но уже не в коммунистических целях и не коммунистическими средствами... Здоровье будущего русского государства обусловлено тем, что оно также должно быть «государством правды» («системой государственно-частного хозяйства»). 7) Приоритет интересов сотрудничающих общественных групп в противовес неограниченным индивидуальным потребностям по природе своей асоциальных индивидов. 8) Стремление к достижению сбалансированности между нравственными ценностями и «чистой» экономической целесообразностью. 9) Доминирование православия как религии, органично интегрирующей значимую совокупность догматов евразийских региональных вероисповеданий и т.д. Пафос концепции Е. — мечта о едином «богочеловеке», о всеедином; человечестве — стремится противостоять в начале 3 тысячелетия процессам «вестернизации» мира. Тезис многих идеологов последней о естественном стационарном «эшелонированном» ранжировании государств (производителей преимущественно: а) либо новых идей и технологий; б) либо товаров массового потребления; в) либо сырья и вредных материалов) не совместим с русской идеей земного братства людей. (По мнению Н.С.Трубецкого, общезападный шовинизм и общезападный космополитизм тождественны: под «цивилизованным человечеством» их представители понимают ту цивилизацию, которую «в совместной работе выработали романские и германские народы Европы»; под «цивилизованными народами» — прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и другие народы, которые приняли европейскую культуру»;

«та культура, которая по мнению космополитов должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист».) Определенные центростремительные тенденции в геополитическом пространстве Евразии рубежа 20—21 вв. как результат усилий ряда политических деятелей, ориентирующихся в своей активности на принципиально нетрадиционный обновленческий пафос 21 ст., демонстрируют глобальный потенциал идеи Е.: по выражению Аверинцева, «мыслительного движения на опасной грани философствования и политики», — независимо от его оценок различными идейными течениями, философско-социологическими школами и геополитическими структурами.

А.А. Грицанов